Быстро, как только ноги могли его нести, Курт поспешил к замку. Слепая графиня, которую он запер в хижине, уже не должна была ускользнуть от него.

Приблизившись к месту назначения, он с удивлением увидел, что в спальне графа и графини горит света. Это заставило его задуматься. Кто же так рано проснулся?

Он условился с Уолли. что он будет подражать крику ночной совы, когда ему срочно понадобится поговорить с ней.

И вот теперь он издал этот клич. Тут же распахнулось окно, и из него высунулась чья-то голова.

— Курт, это ты? Что случилось? — приглушенным голосом отозвалась Уолли.

— Ты одна? — раздалось в ответ.

— Да; граф закрылся у себя в комнате и, похоже, намерен провести там всю ночь! — тихо ответила она. — Вечером он вернулся домой совершенно расстроенный. Я не могу объяснить, что с ним происходит; он даже не пустил меня к себе!

— Возможно, ему привиделся призрак его первой жены! — усмехнулся Курт, но тут же добавил:

— Спускайся скорее, твоя птичка убежала от тебя!

С губ Уолли сорвался слабый, полный ужаса возглас. Стремительно, как молния, она закрыла окно и через пару минут уже стояла рядом с Куртом

— Что ты говоришь, Курт, — задыхалась она, ее лицо перекосило от ярости, — графиня сбежала?

— Конечно; можешь убедиться сама — в башне ли она! — ответил Курт и затем рассказал ей, как Герда пришла к нему.

Сначала лицо Уолли напоминало лицо Горгоны, грозное и зловещее, но теперь дьявольская радость заиграла на ее лице.

— Хахаха, — радостно засмеялась она, — мышь попала прямо в ловушку! Тем лучше! Это знак судьбы — сделать ее навеки безвредной! Меня бы вполне устроило постоянно дрожать от страха, что эта женщина однажды объявится и мне снова придется освобождать ей дорогу! Она должна умереть, и тогда я обрету покой!

— Курт, — продолжала она, задыхаясь, — нельзя терять времени. Никто не знает, что слепая графиня находится в этой лачуге; мы никогда не найдем лучшего случая избавиться от нее! Подожги хижину, и ни один петух не прокукарекает, если она сгорит в огне".

Курт не сразу нашелся что ответить. То, что она требовала от него, казалось немыслимым даже для него самого. Но коварная женщина не оставляла ему времени на раздумья.

— Почему ты колеблешься? — шипела она. — Ты смог выстрелить в графа; неужели теперь у тебя не хватит смелости поджечь хижину?

— Стиснув зубы, Курт нахмурился.

— Не нужно напоминать мне о том вечере, когда я видел тебя в его объятиях и слышал, как ты клялась ему в любви! — прохрипел он, его лицо исказилось от ярости.

— В тот момент меня охватила ярость, и так получилось, что я выстрелил в графа!

— Так что же, ты собираешься поджечь хижину? — ответила она, не обращая внимания на его слова.

Он все еще сомневался. Но тут ему вдруг пришла в голову мысль: "Хорошо; в таком случае она — твоя сообщница, и она в будет в полной моей власти!".

— Хорошо, — хрипло произнес он, не глядя на нее, — я исполню твою волю!

С каким облегчением она заключила его в объятия и страстно поцеловала.

— Я никогда не забуду этого,Курт, — прошептала она ему, — и не за горами то время, когда ты будешь щедро вознагражден за все это, и когда я буду принадлежать тебе! Но теперь поспеши! Пока не прошла ночь, слепая графиня должна быть причислена к мертвым!

Он снова сделался ее безвольным орудием; он вырвался из ее объятий и бросился прочь.

Пока она спешила обратно в замок, Курт торопился к хижине.

Вдруг на полдороге он остановился.

— Вот дьявол, — пробормотал он, — я ничего не сказал Уолли о ребенке, который был со слепой графиней, пусть уж и этот червяк сгорит вместе с ней, мне-то что?

С этими словами он двинулся дальше.

Тем временем Уолли опять добралась до спальни и уже собиралась лечь, как в дверь постучали.

Она сразу же открыла; перед ней предстала нянюшка, белая как полотно, с перекошенным от страха лицом.

— О, графиня! — зарыдала она в отчаянии. — Ваш ребенок пропал — бесследно исчез из своей кроватки! Я обыскала всю комнату и не нашла его, но нашла только эту ленточку на полу рядом с его кроваткой!".

Ошеломленный, Уолли уставился на женщину, и вдруг из ее груди вырвался нечленораздельный возглас.

Герда всегда украшала волосы этой лентой, она хорошо ее помнила. Несомненно, слепая графиня прокралась в комнату, похитила ребенка и скрылась с ним.

В следующее мгновение Уолли вздрогнула, словно от удара кнута. Она мгновенно побледнела.

Вцепившись в руку нянюшки, она задыхаясь произнесла: "Молчите, никому не говорите; я... я сама разыщу ребенка! Дождитесь пока я вернусь!"

С этими словами она уже выскочила за дверь и помчалась прочь из дома, прочь на улицу. Она бежала, как лань, через парк, на улицу и вперед к лесу.

Она совсем обезумела, и хрип вырывался из ее груди.

Не успела она добежать до леса, как перед ней неожиданно появился мужчина. Он поспешно подошел к ней — это был Курт.

— Хижина пылает! — позвал он ее издалека.

Тогда Уолли с пронзительным криком бросилась к нему.

— Курт, ради Бога, скажи мне, у графини был ребенок? — вскричала она, полубезумев от страха.

— Да, госпожа.

— Господь небесный, — отчаянно воскликнула Уолли, — немедленно бегом назад! Беги, Курт, беги так, как будто от этого зависит твоя жизнь! Ребенок! Спаси ребенка, я прошу тебя, я умоляю тебя! Он не должен сгореть! Дитя которое было с графиней, который сейчас в горящей хижине, это наш сын!

Курт в ужасе отпрянул.

— Что ты говоришь? Наша сын… наш ребенок… — Сгорит вместе с ней! — Но хватит слов — действуй! Скорее, спаси нашего ребенка! На мгновение он застыл, не в силах пошевелиться от ужаса.

Он отдал своего ребенка на верную смерть — своего собственного ребенка! Сначала он не мог осознать этого ужаса. Ему показалось, что в этот момент его словно сбили с ног.

Но потом он бросился прочь, тяжело дыша, обратно к пылающей хижине. Он не мог соображать, он слышал только одно слово Уолли: спаси — спаси!

И Уолли бросилась за ним!

Она не обращала внимания на ветки кустов, которые хлестали ее по лицу, швыряя назад, не обращала внимания на свои дорогие одежды, которые рвали шипы кустов.

На земле лежало бревно — она не заметила его, споткнулась, упала, в следующее мгновение снова поднялась — вперёд, только бы не опоздать!

Между деревьями мелькнуло зарево — это горела хижина. Курт едва не упал, страх парализовал его. Как она трещит и пылает! Но, может быть, он все-таки успел!

Только вперед — вперед! И вот… крыша провалилась, она… нет, нет, она не провалилась, она еще держится… ей осталось продержаться еще несколько мгновений. Уолли оставалась позади — она не могла продолжать идти дальше; обессиленная, она опустилась на траву. Курт не замечал, не озирался по сторонам; в его голове билась только одна мысль: Спасти, даже если это будет стоить ему жизни! Все ближе и ближе к цели! Боже правый, еще один треск обугливающегося бревна достиг его ушей! Еще минута!..

Эти минуты безумного ужаса явились для двух преступных соратников справедливым возмездием за совершенные ими злодеяния.

Месть небес приближалась, и уже пылала над ним! Теперь к цели!

Мужчина из последних сил, дикими прыжками бросился к хижине. Еще секунду должна была продержаться крыша, еще одну секунду! Последний прыжок, крик облегчения — и вот легкая деревянная конструкция рухнула с глухим стуком, а вместе с грохотом и стуком дерева, с пылающим пламенем раздался ужасающий крик обоих преступников, пораженных Божьим судом.

Слишком поздно!

Да, напрасно Уолли, которая к этому времени тоже добралась до хижины, с мучительной болью выкрикивала имя своего ребенка, напрасно рвала на себе волосы и безумно кричала:

— Я убила свое дитя!.. Я убила своего ребенка!

Гнев Божий поразил злодейку за ее же подлость.

Бледный как мертвец и весь трепещущий, Курт замер рядом с ней, не в силах произнести ни слова утешения; все, что он мог произнести, — это приглушенные звуки отчаяния.

Впервые Уолли был нанесен удар, потрясший ее до глубины души.

Какой бы легкомысленной и дурной она ни казалась, в ее сердце едва ли находилось место одной вещи — материнской любви!

Вначале она не слишком заботилась о ребенке, которого воспитывали чужие люди, но с тех пор, как он оказался в замке, маленькое беззащитное существо стало ближе к ее сердцу.

Когда она была уверена, что за ней никто не наблюдает, она часто с горячей нежностью прижимала его к груди, нежно называла ласковыми именами и искренне радовалась его счастью.

А теперь!

— Мое дитя, — причитала она вслух, сжимая руки, — мое бедное невинное дитя!

— Ну же, успокойся, — предупредил Курт, — мы не можем ничего сделать!

С хриплым криком Уолли поднялась в воздух, ее глаза сверкали, как у безумной женщины, а губы издавали невнятные звуки.

Неподвижным взором она следила за тем, как огонь разгорается все больше и больше. Внезапно она сделала движение, чтобы броситься в пламя, и Курту едва удалось удержать обезумевшую женщину.

— Пойдем, пойдем, я отведу тебя обратно в замок! — пытался он уговорить ее; затем из нее вырвался пронзительный смех.

— Мой ребенок мертв, а другой жив...

Голос ее оборвался, и, рыдая от ярости и боли, она уткнулась лицом в руки.

Наконец Курту удалось увести за собой ошеломленную женщину; он обнял ее и направился к замку.

Время от времени по дороге Уолли начинала громко стонать.

— Теперь она мертва, ее я так горячо ненавидела и хотела убрать с дороги! Но она отомстила мне — отомстила более дьявольски, чем я могла придумать!

Наконец они оказались перед замком, и Курт снова крепко сжал руки Уолли.

— Будь осторожнее, — предупредил он, — не выдавай себя, не забывай, что поставлено на карту. Ты не должна потерять самообладание ни на секунду!

Тихонько застонав, она прижала ладони к пульсирующим вискам.

— Боже мой, что я скажу ему, когда он спросит меня о ребенке, — пробормотала она в отчаянии.

— Ты должна придумать оправдание, которое придаст исчезновению ребенка убедительность, — уговаривал ее Курт.

И тут она вздрогнула, потому что в этот момент услышала голос мужа, доносившийся из коридора. Поспешно собравшись, она рассеянно кивнула любовнику:

— Да, да, все верно!

И не успел он вымолвить и слова, как она исчезла в замке.

Собрав все оставшиеся силы и присутствие духа, она тихо ступила в зал и вдруг оказалась лицом к лицу с графом.

— Наконец-то ты пришла! — взволнованно воскликнул он. — Ты нашла ребенка?

— Нет, Ганс, я не нашла его, — заикаясь, пролепетала она, и непроизвольно ее рука потянулась к боку, словно ища опору.

Граф заметил это движение и протянул руку дрожащей женщине. Этот явный страх за ребенка заставил его увидеть ее в совершенно новом, благожелательном свете.

— Проходи, ты так устала! Где ты была? Будь он в курсе того, как преступно она поступила с его ребенком, знай он истинную причину ее отчаяния, он вряд ли стал бы обращаться к ней в таком сострадательном тоне.

Все так же безучастно она смотрела на него.

— Я была в лесу! Я везде искала — но тщетно, все напрасно!

Войдя в комнату, она рухнула в кресло, словно раздавленная. Она едва слышала, что говорил граф:

— С твоей стороны было глупо желать скрыть от меня исчезновение моего ребенка, потому что ты, возможно, надеялась найти мальчика и тем самым избавить меня от лишних волнений.

Когда няня, бледная и растерянная, пронеслась мимо меня по коридору, я насторожился. Сначала она не хотела ничего говорить, но потом я все узнал. Ты можешь себе представить мой ужас.

Я обыскал весь дом сверху донизу вместе со слугами, а теперь отдал распоряжение продолжить розыски снаружи.

— Полагаю, все окажется бесполезным, — устало проговорила Уолли.

— Но не мог же Гарольд бесследно исчезнуть! — взволнованно возразил Ганс. — Няня утверждает, что она заснула и ничего не слышала; только когда она проснулась и заглянула к ребенку, то обнаружила, что его кроватка пуста.

Из груди Уолли вылетел мучительный стон. До сих пор она тщетно пыталась придумать выход, и вот, наконец, кажется, нашла его.

В данный момент она находилась в весьма незавидном положении. С одной стороны, это было горе по ее ребенку, который умер по ее же вине, с другой стороны, она должна была взять себя в руки, чтобы не сорваться на мужа.

— Я только так могу объяснить исчезновение Гарольда, — сказала она, тяжело дыша. — Ребенка могли выкрасть цыгане!

— Почему ты так думаешь? — удивленно спросил граф.

— Разве в лесу в эти дни не появлялась шайка цыган? Я видела, как они слоняются без дела, попрошайничают и, конечно, воруют. Когда ко мне настойчиво пытался подойти один из них, я приказала ему идти прочь.

Он обиделся, что поднял на меня руку и угрожал отомстить. Я боюсь, что теперь он осуществил свою угрозу и в отместку похитил у нас ребенка".

Граф с возрастающим волнением вслушивался в ее рассказ. Когда она закончила, он вскочил и поспешил к двери.

— Я оставлю тебя, Уолли, — сказал он на ходу, — потому что я хочу немедленно отправиться с людьми в лес на поиски цыган. Мы должны успеть забрать нашего сына у них! И если мы их поймаем, горе им!

С этими словами он бросился прочь.

Безумная, отчаянная улыбка заиграла на губах Уолли, когда она осталась одна.

— Ищи, — с горечью подумала она, — и не найдешь! Бедное дитя лежит под руинами хижины!

С безудержным рыданием она уткнулась лицом в руки.

Когда через два часа граф снова вернулся в комнату с усталым, исполненным отчаяния лицом, она все еще продолжала оставаться в той же позе.

— Ничего, все напрасно, — удрученно пробормотал он. — Цыгане шатались по лесу, как призраки, но нашего малыша с ними не оказалось. Я сам обшарил все уголки табора, но не нашел никаких следов малышки!

С губ несчастной матери не слетело ни звука; она лучше всех знала, что случилось с ее ребенком, но уста ее вынуждены были безмолвствовать.

В отчаянии граф бросился на стул.

Он не оставлял попыток найти пропавшего мальчика. Теперь оставалось только подождать и

понаблюдать, не даст ли судьба подсказку. Какое-то время он молча сидел, уставившись в пустую точку.

В комнате воцарилась глубокая тишина. И если бы граф мог прочесть в душе Уолли, он бы застыл в ужасе перед лицом этой женщины, которая так позорно предала его и перешагнула через трупы.

Наконец он вновь взял себя в руки, окинул ее пристальным взглядом и устало сказал: — Пойдем, Уолли, отдохнем! Возможно, завтрашний день принесет надежду или хотя бы подскажет, где нам следует искать дальше!

Из ее уст вырвался странный звук, когда она с трудом встала и, опираясь на Ганса, отправилась в спальню. Скорее мертвая, чем живая, она опустилась на кровать. Ее истощение было столь велико, что вскоре она провалилась в глубокий сон.

А вот граф никак не мог успокоиться! Он беспокойно ворочался на кровати. Наконец он встал, оделся, подошел к окну и посмотрел в парк.

Темная ночь постепенно уступала место рассвету. На горизонте появилось бледное, яркое свечение — наступал новый день. Принесет ли этот день ему прозрение о том, куда делся его сын?!

Взгляд графа омрачился; он прижимался к малышу со страстной любовью, и каждый раз, когда он держал его на руках, его охватывало чувство блаженства.

И теперь, когда он смотрел в парк, ему казалось, что среди деревьев появляется призрак Герды, которая так напугала его совсем недавно.

Он как будто видел ее манящие огоньки глаз и слышал ее нежный, жалобный голос:

— Горе, горе, что ты со мной сделал! Ты вверг меня в глубочайшие страдания и отнял у меня ребенка! Горе тебе, ибо однажды Божий суд настигнет тебя!

Терзаемый укорами совести, граф опустился на стул. Сжимая в руках оберег, он тихо застонал:

— Свершилось — кара Господня настигла меня! И, может быть, это еще не конец! — Господи, помилуй нас…

http://tl.rulate.ru/book/92712/3101523